К югу от границы, на запад от солнца

Автор:
Харуки Мураками

К югу от границы, на запад от солнца

Харуки Мураками

Мураками-мания

«К югу от границы, на запад от солнца» – самый пронзительный роман классика современной японской литературы Харуки Мураками. Через двадцать пять лет в жизнь преуспевающего владельца джазового бара возвращается мистическая возлюбленная его детства – и почти забытая страсть вспыхивает вновь. Но призрак смерти неотступно следит за ним… «Касабланка» по-японски. Роман об экзистенциальной любви, которой не суждено сбыться.

Харуки Мураками

К югу от границы, на запад от солнца

© Логачев С, перевод на русский язык, 2016

© ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Глава 1

Я родился 4 января 1951 года. В первую неделю первого месяца первого года второй половины двадцатого века. Было в этом что-то знаменательное, поэтому родители назвали меня Хадзимэ[1 - В переводе с японского – «начало». (Здесь и далее – прим. переводчика.)]. Кроме этого о моем появлении на свет ничего особенного не скажешь. Отец работал в крупной брокерской фирме, мать – обычная домохозяйка. Студентом отца взяли на фронт и отправили в Сингапур. Там после окончания войны он застрял в лагере для военнопленных. Дом, где жила мать, сгорел дотла в последний военный год при налете «Б-29». Их поколению от войны досталось по всей программе.

Впрочем, я появился на свет, когда о войне уже почти ничего не напоминало. Там, где мы жили, не было ни выгоревших руин, ни оккупационных войск. Фирма дала отцу жилье в маленьком мирном городке – дом довоенной постройки, слегка обветшалый, зато просторный. В саду росла большая сосна, был даже маленький пруд и декоративные фонари.

Самый типичный пригород, место обитания среднего класса. Все мои одноклассники, с которыми я дружил, жили в довольно симпатичных особнячках, отличавшихся от нашего дома только размерами. У всех – парадный вход с прихожей и садик с деревьями. Отцы моих приятелей по большей части служили в разных компаниях или были людьми свободных профессий. Семьи, в которых матери работали, попадались очень редко. Почти все держали собаку или кошку. Знакомых из многоквартирных домов или кондоминиумов у меня не было. Потом я переехал в соседний городок, но и там, в общем, наблюдалась та же самая картина. Так что до поступления в университет и переезда в Токио я пребывал в уверенности, что люди нацепляют галстуки и отправляются на работу, возвращаются в свои особнячки с неизменным садиком и кормят какую-нибудь живность. Представить, что кто-то живет иначе, было невозможно.

В большинстве семей воспитывали по двое-трое детей – это средний показатель для мирка, где я вырос. Мои друзья детства – все без исключения, кого ни возьми – были из таких, словно по трафарету вырезанных, семей. Не два ребенка – значит, три, не три – так два. Изредка попадались семейства с шестью, а то и семью наследниками, и уж совсем в диковину были граждане, которые ограничивались единственным отпрыском.

Наша семья как раз была такой. Единственный ребенок – ни братьев, ни сестер. Из-за этого в детстве я долго чувствовал себя неполноценным. Каким-то особенным, лишенным того, что другие принимали как должное.

Как же я тогда ненавидел эти слова – «единственный ребенок». Каждый раз они звучали как напоминание, что во мне чего-то не хватает. В меня будто тыкали пальцем: «Ну ты, недоделанный!»

В окружавшем меня мире все были убеждены на сто процентов: таких детей родители балуют, и из них вырастают хилые нытики. Прописная истина: «чем выше поднимаешься в гору, тем больше падает давление» или «корова дает молоко». Поэтому я терпеть не мог, если кто-то спрашивал, сколько у меня братьев и сестер. Стоило людям услышать, что я один, как у них срабатывал рефлекс: «Ага! Единственный ребенок! Значит, испорченный, хилый и капризный». От такой шаблонной реакции становилось тошно и больно. На самом же деле подавляло и ранило меня в детстве другое: эти люди говорили истинную правду. Я ведь действительно был избалованным хлюпиком.

В моей школе таких «единственных детей» было совсем мало. За шесть начальных классов мне встретился только один экземпляр. Я очень хорошо помню ее (да, это была девочка). Мы подружились, болтали обо всем на свете и прекрасно понимали друг друга. Можно даже сказать, я к ней привязался.

Звали ее Симамото. Сразу после рождения она переболела полиомиелитом и чуть-чуть приволакивала левую ногу. Вдобавок Симамото перевелась к нам из другой школы – пришла уже в самом конце пятого класса. Можно сказать, на нее легла тяжелая психологическая нагрузка, с которой мои проблемы и сравниться не могли. Но непомерная тяжесть, давившая на маленькую девчонку, лишь делала ее сильнее – гораздо сильнее меня. Она никогда не ныла, никому не жаловалась. Лицо ничем не выдавало ее – Симамото всегда улыбалась, даже когда ей было плохо. И чем тяжелее, тем шире улыбка. У нее была необыкновенная улыбка. Она утешала, успокаивала, воодушевляла меня, будто говоря: «Все будет хорошо. Потерпи немножко – все пройдет». Спустя годы я вспоминаю ее лицо, и в памяти всякий раз всплывает эта улыбка.

Училась Симамото хорошо, относилась ко всем справедливо и по-доброму, и в классе ее признали. Я же был совсем другим. Впрочем, и ее одноклассники вряд ли так уж любили. Просто не дразнили и не смеялись над ней. И, кроме меня, настоящих друзей у нее не было.

Может, она казалась другим ученикам чересчур спокойной и сдержанной. Кто-то, верно, считал Симамото воображалой и задавакой. Но мне удалось

разглядеть за этой внешностью нечто теплое и хрупкое, легкоранимое. Оно, как в прятках, скрывалось в этой девочке и надеялось, что со временем кто-то обратит на него внимание. Я вдруг сразу уловил такой намек в ее словах, в ее лице.

Из-за работы отца семья Симамото переезжала с места на место, и ей часто приходилось менять школу. Кем был ее отец – точно не помню. Как-то раз она подробно рассказывала о нем, но мне, как и большинству сверстников, мало было дела до того, чем занимается чей-то отец. Какая же у него была профессия?

Что-то связанное то ли с банками, то ли с налоговой инспекцией, то ли с реструктуризацией каких-то компаний. Дом, где поселились Симамото, – довольно большой особняк в европейском стиле, обнесенный замечательной каменной оградой в пояс высотой, – принадлежал фирме, где работал отец. Вдоль ограды шла живая изгородь из вечнозеленых кустарников, сквозь просветы виднелся сад с зеленой лужайкой.

Симамото была высокой – почти с меня ростом. Четкие выразительные черты лица. С такой внешностью она через несколько лет обещала стать настоящей красавицей. Но когда я впервые увидел эту девчонку, она еще не обрела того облика, что соответствовал бы ее характеру. Нескладная, угловатая, она мало кому казалась привлекательной. Потому, наверное, что в ней плохо уживались взрослые черты и оставшаяся детскость. Временами от такой дисгармонии делалось как-то неуютно.

Наши дома стояли совсем рядом (буквально в двух шагах), поэтому, когда Симамото пришла в наш класс, ее на месяц посадили рядом со мной. Я принялся объяснять новенькой особенности школьной жизни: какие нужны пособия, что за контрольные мы пишем каждую неделю, что надо приносить на уроки, как проходим учебники, убираем класс, дежурим по столовой. В нашей школе было заведено: новеньких на первых порах опекали те ученики, кто жил к ним ближе всех. А поскольку Симамото еще и хромала, учитель специально вызвал меня и попросил первое время о ней позаботиться.

Поначалу нам никак не удавалось разговориться – так обычно бывает у одиннадцати-двенадцатилетних мальчишек и девчонок, которые стесняются друг друга. Но когда выяснилось, что мы с ней единственные дети в семье, все пошло как по маслу – нам стало легко и просто, и мы начали болтать без умолку.

Прежде ни ей, ни мне не доводилось встречаться с ребятами, у которых не было братьев или сестер. Мы разговаривали до хрипоты – ведь так много хотелось сказать. Из школы часто возвращались вместе. Идти нам было чуть больше километра, мы шли медленно (из-за хромой ноги Симамото не могла ходить быстро) и разговаривали, разговаривали… Скоро мы поняли, что у нас много общего: оба любили читать, слушать музыку, и нам обоим нравились кошки. Мы не умели раскрывать душу людям. Не могли есть все подряд – у нас был длинный список того, что мы терпеть не могли. Интересные предметы давались нам без труда, нелюбимые мы ненавидели лютой ненавистью. Хотя были между нами и отличия: Симамото сознательно старалась заслониться, защитить себя. Не то что я. Она училась серьезно, хорошо успевала даже по самым противным предметам, чего не скажешь обо мне. Иными словами, защитная стена, которой она себя окружила, оказалась куда выше и прочнее моей. Но то, что скрывалось за этой стеной, мне поразительно напоминало меня самого.

Я быстро привык к Симамото. Раньше со мной такого не бывало. Меня не бил никакой мандраж – не то что с другими девчонками. Мне нравилось возвращаться с ней домой из школы. Она шла, слегка приволакивая ногу. Иногда присаживалась в парке на скамейку и немного отдыхала. Мне это было совсем не в тягость – скорее наоборот, я радовался, что есть время пообщаться еще.

Все больше времени мы проводили вместе. Не припоминаю, чтобы кто-то нас из-за этого дразнил. Тогда я не очень удивлялся, но сейчас это выглядит странновато. Ведь в таком возрасте, стоит детям заметить, что какой-то мальчишка дружит с девочкой, они тут же начинают издеваться. Мне кажется, дело было в характере Симамото. В ее присутствии ребята испытывали легкое напряжение и не хотели выставлять себя дураками. Как бы поневоле думали: «Лучше при ней чепуху не молоть». Иногда, казалось, даже учителя не знали, как себя вести с Симамото. Может, из-за ее хромоты? Так или иначе, все, похоже, осознавали, что дразнить ее не годится, и мне это было приятно.

На уроки физкультуры Симамото не ходила и оставалась дома, когда мы всем классом отправлялись на экскурсии, в поход в горы или летний лагерь, где все занимались плаванием. Во время школьных соревнований ей, наверное, бывало не по себе, но во всем остальном у нее была самая обыкновенная школьная жизнь. О ноге она совсем не вспоминала – разговоров об этом, насколько я помню, не было ни разу. Никогда по дороге из школы она не извинялась, что идет медленно и задерживает меня, да и на лице ее неловкости я не замечал. Но я прекрасно понимал: она все время думает о своей ноге и именно потому

избегает этой темы. Симамото не очень любила ходить в гости к другим ребятам – там ведь надо снимать обувь, а на ее туфлях разные каблуки – один немного выше другого, да и сами туфли друг от друга отличались, – и она не хотела, чтобы кто-то это видел. Туфли ей, должно быть, делали на заказ. Я обратил на них внимание, когда заметил, что у себя она в первую очередь снимает туфли и старается побыстрее убрать их в шкаф.

В гостиной у Симамото стояла новенькая стереосистема, и я часто заходил к ней послушать музыку. Система была очень приличная, чего не скажешь о пластинках, которые собирал ее отец. Их оказалось штук пятнадцать, не больше – в основном легкая классическая музыка для неискушенных любителей. Мы слушали их бесчисленное множество раз, и я до сих пор не забываю ни одной ноты.

Пластинками занималась Симамото. Доставала диск из конверта и, держа его обеими руками, не касаясь поверхности, ставила на проигрыватель. Потом, смахнув щеточкой пыль со звукоснимателя, плавно опускала на пластинку иглу. Когда сторона заканчивалась, Симамото прыскала на нее спреем и протирала мягким лоскутком. В завершение пластинка возвращалась в конверт и водружалась на свое место на полке. Симамото научилась этим операциям у отца и выполняла их с ужасно серьезным видом, сощурившись и почти не дыша. Я сидел на диване и наблюдал за ней. И лишь когда пластинка оказывалась на полке, Симамото поворачивалась ко мне, чуть улыбаясь. Всякий раз мне приходило в голову, что она держит в руках не пластинку, а чью-то хрупкую душу, заключенную в стеклянный сосуд.

У меня дома не было ни проигрывателя, ни пластинок. Родители музыкой не интересовались, поэтому я слушал у себя в комнате радио – маленькую пластмассовую «мыльницу», принимавшую только средние волны. Больше всего мне нравился рок-н-ролл, но я быстро полюбил и классику, которую мы слушали у Симамото. То была музыка из «другого мира», она притягивала меня – возможно, потому, что к этому миру принадлежала моя подружка. Раз или два в неделю после обеда мы заходили к ней, сидели на диване, пили чай, которым угощала нас ее мать, и слушали увертюры Россини, бетховенскую Пасторальную симфонию и «Пер Гюнта». Мамаша была рада, что я приходил к ним. Еще бы! Дочка только-только пошла в новую школу, а у нее уже приятель появился. Тихий, всегда аккуратно одет. Сказать по правде, старшая Симамото не сильно мне нравилась. Сам не знаю, почему. Со мной она всегда была приветлива, но иногда в ее голосе звучали нотки раздражения, и временами я чувствовал себя

не в своей тарелке.

Среди пластинок отца Симамото у меня была любимая – концерты Листа для фортепиано. По одному концерту на каждой стороне. Любил я ее по двум причинам. Во-первых, у нее был очень красивый конверт. А во-вторых, никто из моих знакомых – за исключением Симамото, разумеется, – фортепианных концертов Листа не слушал. Сама эта мысль волновала меня. Я попал в мир, о котором никто не знает. Мир, похожий на потайной сад, куда вход открыт только мне одному. Слушая Листа, я чувствовал, как расту над собой, поднимаюсь на новую ступеньку.

Да и музыка была прекрасная. Поначалу она казалась мне вычурной, искусственной, какой-то бессвязной. Но я слушал ее раз за разом, и понемногу мелодия стала складываться в моей голове в законченные образы. Так бывает, когда смутное изображение постепенно обретает перед вашим взором четкие очертания. Сосредоточившись и зажмурив глаза, я мысленным зрением наблюдал бурлящие в этих звуках водовороты. Из только что возникшей водяной воронки появлялась еще одна, из нее тут же – третья. Сейчас я, конечно, понимаю, что эти водовороты были отвлеченной абстракцией. Мне больше всего на свете хотелось рассказать о них Симамото, однако объяснить нормальными словами то, что я тогда ощущал, было невозможно. Для этого требовались какие-то другие, особые слова, но таких я еще не знал. Вдобавок у меня не было уверенности, что мои ощущения стоят того, чтобы о них кому-то рассказывать.

К сожалению, память не сохранила имени музыканта, игравшего Листа. Запомнились только блестящий красочный конверт и вес на руке – пластинка непостижимым образом наливалась тяжестью и казалась необычайно массивной.

Вместе с классикой на полке у Симамото стояли Нат Кинг Коул и Бинг Кросби. Мы ставили их очень часто. На диске Кросби были рождественские песни, но они шли хорошо в любое время года. И как только они нам не надоедали?

Как-то в декабре, накануне Рождества, мы сидели у Симамото в гостиной. Устроились, как обычно, на диване и крутили пластинки. Ее мать ушла куда-то по делам, и мы остались в доме одни. Зимний день выдался пасмурным и мрачным. Солнечные лучи, с трудом пробиваясь сквозь низкие тяжелые тучи, расчерчивали светлыми полосами пылинки в воздухе. Время шло; все, видимое глазу, потускнело и застыло. Надвигался вечер, и в комнате уже стало совсем темно – прямо как ночью. Свет никто не включал, и по стенам растекалось лишь

красноватое свечение керосинового обогревателя. Нат Кинг Коул пел «Вообрази». Английских слов песни мы, конечно, не понимали. Для нас они звучали как заклинание. Но мы полюбили эту песню, слушали ее снова и снова и распевали первые строчки, подражая певцу:

Пуритэн ню'а хапи бэн ню'а бру Итизн бэри ха'то ду[2 - Искаженные слова песни классика американской эстрады Ната Кинга Коула (1917–1965) «Вообрази»: «Pretend you're happy when you're blue / It isn't very hard to do».].

Теперь-то я, понятное дело, знаю, о чем эта песня. «Когда тебе плохо, вообрази, что ты счастлива. Это не так трудно». Эта песня напоминала мне ту улыбку, что постоянно светилась на лице Симамото. Что ж, правильно в песне поется – можно и так к жизни относиться. Другое дело, что иногда это очень тяжело.

На Симамото был голубой свитер с круглым воротом. Я помню у нее их несколько, одинакового цвета: похоже, голубой ей нравился больше прочих оттенков. А может, голубые свитера просто шли к темно-синему пальто, в котором она все время ходила в школу. Из-под свитера выглядывал воротничок белой блузки. Клетчатая юбка, белые хлопчатобумажные чулки. Мягкий обтягивающий свитер выдавал едва заметные припухлости на груди. Симамото устроилась на диване, поджав ноги. Облокотившись о спинку дивана, она слушала музыку, глядя куда-то вдаль, словно рассматривала одной ей видимый пейзаж.

– Правда говорят, что, если у родителей только один ребенок, значит, у них отношения не очень? – вдруг спросила она.

Я ненадолго задумался, но так и не сообразил, какая тут может быть связь.

– С чего ты это взяла?

– Один человек сказал. Давно уже. Предки не ладят, поэтому заводят ребенка и потом – всё. Я, когда про это услышала, расстроилась страшно.

– Гм-м.

– А твои между собой как?

Я замялся: просто не думал об этом, – и ответил:

– Вообще-то у мамы со здоровьем не очень хорошо. Точно не знаю, но с еще одним ребенком ей, наверное, было бы слишком тяжело.

– А ты думал, как бы тебе было с братом или сестрой?

– Нет.

– Почему? Почему не думал?

Я взял со стола конверт от пластинки и попробовал рассмотреть, что на нем написано, но в комнате уже стало совсем темно. Положив конверт обратно, потер запястьем глаза. Мать как-то спросила у меня о том же самом. Тогда мой ответ ее ни обрадовал, ни огорчил. Выслушав меня, она ничего не сказала – только сделала какое-то странное лицо. Хотя, ответив ей, я был абсолютно честен и искренен перед самим собой.

Ответ получился очень длинный и сбивчивый. Я так и не смог толком выразить, что хотел. А хотелось мне сказать вот что: «Я вырос без братьев и сестер и получился такой, какой есть. А если бы они были, я был бы сейчас другим. Поэтому что ж думать о том, чего нет?»

В общем, вопрос матери показался мне бессмысленным.

То же самое я ответил Симамото. Она слушала, не сводя с меня глаз. А меня что-то притягивало в ее лице – я, конечно, осознал это позже, вспоминая то время. Словно она мягкими, нежными касаниями слой за слоем снимала тончайшую оболочку, в которую заключено сердце человеческое. И сейчас прекрасно помню, как менялось выражение ее лица, слегка кривились губы, как в ее глазах, где-то очень глубоко, загорался слабый, едва различимый огонек, напоминавший пламя крошечной свечки, что мерцает в длинной, погруженной во тьму комнате.

– Я вроде понимаю, о чем ты, – тихо сказала Симамото. Эти слова прозвучали так, будто их вымолвил не ребенок, а вполне взрослый человек.

– Да?

– Угу. Мне кажется, в жизни что-то можно переделать, а что-то нельзя. Вот время. Его не вернешь. Прошло, и все, обратного пути не будет. Правда ведь?

Я кивнул.

– Время идет и застывает. Как цемент в ведре. И тогда назад уже не вернешься. То есть ты хочешь сказать, что цемент, из которого ты сделан, уже застыл, поэтому ты можешь быть только таким, какой ты сейчас, а не другим. Так?

– Так, наверное, – неуверенно отозвался я.

Симамото долго разглядывала свои руки и наконец сказала:

– Знаешь, иногда я думаю: а что будет, когда я вырасту, замуж выйду? В каком доме буду жить? Чем стану заниматься? И еще думаю, сколько детей у меня будет.

– Ого! – сказал я.

– А ты про это думаешь?

Я покачал головой. Чтобы двенадцатилетний мальчишка об этом задумывался?

– И сколько же детей ты хочешь?

Симамото переложила руку со спинки дивана на колено. Я рассеянно смотрел, как она не спеша водит пальцами по квадратам своей юбки. Что-то загадочное было в этих движениях; казалось, от ее пальцев тянутся невидимые тонкие нити, из которых сплетается новое время. Я зажмурился, и в наполнившей глаза темноте забурлили водовороты. Появились и беззвучно пропали. Откуда-то доносился голос Ната Кинга Коула – он пел «К югу от границы». Песня была о Мексике, но тогда я этого еще не знал, и в звуке этих слов – «к югу от границы…» – мне лишь слышалось что-то необычайно привлекательное. Интересно, что же там, к югу от границы? – подумал я, открыл глаза и увидел, что Симамото все еще водит пальцами по юбке. Где-то внутри у меня блуждала едва ощутимая сладкая боль.

– Странно, – сказала она, – но больше одного ребенка я почему-то представить не могу. Мамой себя вообразить – это пожалуйста. Но только с одним ребенком. Без брата, без сестры.

Она развилась рано – это факт, а я был мальчишкой, существом другого пола, и наверняка ее привлекал. Да и у меня было к ней такое же влечение. Но я понятия не имел, что с ним делать. Симамото, по всей вероятности, – тоже. Только раз она дотронулась до меня. Мы шли куда-то, и она схватила меня за руку, точно хотела сказать: «Давай сюда, скорее». Наши руки соприкасались секунд десять, но мне показалось, что прошло как минимум полчаса. Когда она выпустила мою руку, мне захотелось, чтобы она снова взяла ее. И я понял: Симамото сделала это нарочно, хотя все произошло очень естественно, будто невзначай.

Я помню ее касание до сих пор. Ничего подобного я не чувствовал ни до того случая, ни после. Обыкновенная рука двенадцатилетней девчонки. Маленькая, теплая. Но в то же время в ее ладони сосредоточилось для меня все, что я хотел и должен был тогда узнать. Симамото как-то раскрыла мне глаза, дала понять, что в нашем реальном мире есть некое особое место. За те десять секунд я успел превратиться в крохотную птичку, взмыть в небо, поймать порыв ветра. Оглядеть с высоты простиравшуюся подо мной землю. Она казалась так далеко, что разобрать толком, что там, внизу, было невозможно. «И все-таки там что-то есть. Когда-нибудь я попаду туда и все увижу». От такого открытия перехватило дыхание, и в груди что-то забилось.

Придя домой, я сел за стол у себя в комнате и долго рассматривал руку, за которую держала меня Симамото. Я был в восторге: она держала меня за руку! Ее мягкое касание еще много дней согревало мне сердце. И в то же время оно сбило меня с толку, заставило мучиться вопросом: а что я буду делать с этим теплом?

* * *

Окончив шестой класс[3 - В Японии существует девятилетняя система обязательного школьного образования: начальная шестилетка и три года обучения в средней школе. Стремясь продолжить образование, большинство японских школьников поступают затем в так называемую «школу высшей ступени», где учатся еще три года.], мы с Симамото расстались. Обстоятельства

сложились так, что я переехал в другой город. Хотя, может, это слишком громко сказано – до «другого города» было всего пара остановок на электричке, поэтому я несколько раз приезжал навестить Симамото. За три месяца после переезда – раза три-четыре, наверное. Но потом я эти поездки бросил. Ведь у нас был такой сложный возраст, когда достаточно пустяка – стали ходить в разные школы и жить на разных станциях, почти соседних, – и начинает казаться, будто мир перевернулся. Другие приятели, другая школьная форма, другие учебники. Вдруг все стало меняться: фигура, голос, мысли, – и в наших отношениях с Симамото, прежде таких душевных, все чаще возникали неловкости. А она, наверное, менялась еще сильнее – и телом, и душой. Из-за этого я чувствовал себя паршиво. А тут еще ее мать стала смотреть на меня как-то странно: «Почему этот мальчик все время к нам приходит? Ведь он больше здесь не живет. И в другой школе учится». А может, я просто принимал все чересчур близко к сердцу? Но нельзя же было не обращать внимания на ее взгляды.

Я отдалялся от Симамото все больше и в итоге совсем перестал к ней ездить. Скорее всего, я совершил ошибку. (Впрочем, об этом можно только гадать. В конце концов, я не обязан копаться во всех закоулках своей памяти, вспоминая о прошлом, и решать, что в нем правильно, а что нет.) Надо было крепко держаться за нее. Я нуждался в ней, а она во мне. Но я был чересчур застенчив и легко раним. И больше не видел ее, пока не встретил через много лет.

Даже когда наши встречи прекратились, я все время тепло вспоминал Симамото. Эти воспоминания поддерживали меня, когда взрослеть мне было мучительно. Как владелец ресторана держит на столике в самом тихом уголке своего заведения табличку с надписью «Заказан», так и я надолго оставил в сердце место для Симамото. Пускай и думал, что больше никогда ее не увижу.

В двенадцать лет серьезный интерес к противоположному полу во мне еще не проснулся. И хотя уже одолевало смутное любопытство:

«Зачем у нее на груди эти бугорки? Интересно, а что у нее под юбкой?», я не имел понятия, что это значит и к чему может привести. С закрытыми глазами я рисовал в голове картины. Конечно, они получались нечеткими, незавершенными. Все представлялось смутно, как в тумане; очертания расплывались и таяли. И все же было ясно, что в этих образах кроется что-то исключительно важное для меня. И я знал: перед глазами Симамото возникают те же картины.

Существа еще не сформировавшиеся, мы только начали ощущать реальность, пока непознанную, которой еще предстояло раскрыться и заполнить собой нашу незавершенность. Мы стояли перед незнакомой дверью. Вдвоем, в тусклом дрожащем свете, схватившись за руки на десять мимолетных секунд.

Глава 2

В школе высшей ступени я ничем среди прочих не выделялся. Старшие классы – второй этап жизни, шаг в эволюции моей личности. Я перестал считать себя особенным и стал обычным, нормальным человеком. Внимательный наблюдатель, конечно, легко обнаружил бы у меня целый набор комплексов. Но у кого их нет в шестнадцать лет? В этом смысле я походил на остальной мир, а мир – на меня.

В шестнадцать лет от прежнего хилого маменькиного сынка ничего не осталось. В средних классах я начал ходить в школу плавания недалеко от нашего дома. Освоил кроль и серьезно тренировался два раза в неделю. И пожалуйста – раздались плечи и грудь, окрепли мышцы. Задохлик, хватавший простуду от одного дуновения ветерка и вынужденный отлеживаться в постели, остался в прошлом. Раздевшись догола в ванной, я подолгу разглядывал себя в зеркало. Мне нравилось, что мое тело меняется буквально на глазах. Я радовался не тому, что расту, постепенно становлюсь взрослым, а скорее – самому процессу моего преображения. Я превращался в другого человека. Вот что меня привлекало.

Я много читал, слушал музыку. Книги и музыка интересовали меня и раньше, а от дружбы с Симамото привычка читать и слушать лишь окрепла. Я полюбил ходить в библиотеку и глотал книги одну за другой. Они действовали на меня как наркотик: открыв книжку, я уже не мог от нее оторваться. Читал за едой, в электричке, допоздна в постели, в классе на уроках. Купил портативную стереосистему и, как только выпадала свободная минута, запирался в своей комнате и крутил джазовые пластинки. Но делиться с кем-нибудь впечатлениями о прочитанных книгах и о музыке желания не возникало. Мне вполне хватало собственного общества. Короче, одиночка с высоким самомнением. Меня совершенно не привлекали командные виды спорта, и вообще я терпеть не мог соревнований, где для победы нужно считать очки. Плавание мне подходило куда больше – плывешь сам по себе, все спокойно, никакого шума.

При всем том, однако, я не был таким уж безнадежным мизантропом. У меня появились близкие школьные друзья – правда, немного. Хотя, скажу честно: в школу ходить я не любил. Приятели постоянно давили на меня, поэтому все время приходилось быть начеку. Но если бы не они, беспокойный тинейджерский период прошел бы для меня еще болезненнее.

Начал заниматься спортом – сразу заметно сократился черный список ненавистной еды; я научился общаться с девчонками, не заливаясь краской ни с того ни с сего. И в один прекрасный день окружающие перестали замечать, что я – единственный ребенок в семье. Так – по крайней мере, внешне – я избавился от этого клейма.

И завел себе подружку.

* * *

Красивую? Да ничего особенного. Во всяком случае, не тот тип, что казался привлекательным моей матери, когда она, рассматривая фото моего класса, вздыхала и спрашивала:

– Как фамилия этой девочки? Прямо красавица.

Но когда я в первый раз увидел эту девчонку, она показалась мне хорошенькой. На фотографии этого не разберешь, но от нее веяло притягательным теплом. Конечно, красоткой я бы ее не назвал, но ведь и мне тоже особо нечем было похвастаться.

Мы учились в одном классе и часто встречались. Сначала брали за компанию кого-нибудь из ее подружек и моих приятелей, потом стали ходить вдвоем. Мне было с ней удивительно легко. При ней язык у меня развязывался, а она всегда слушала мою болтовню с удовольствием и таким интересом, будто я совершил важное открытие, от которого перевернется весь мир. После Симамото первая девушка слушала меня так внимательно. Да и мне хотелось знать о ней все, любую мелочь. Что она ест каждый день, какая у нее комната. Какой вид из окна.

Звали ее Идзуми[4 - В переводе с японского – «родник».].

– Имя у тебя – просто супер, – сказал я на первом свидании. – Вроде есть такая сказка: кто-то бросает топор в родник – и появляется фея.

Она рассмеялась. У Идзуми были сестра и брат – на три и пять лет моложе. Отец – стоматолог, поэтому семья жила в отдельном доме. И еще у них была собака – немецкая овчарка Карл. Не поверите, но пса назвали в честь Карла Маркса. Отец Идзуми состоял в компартии. И среди коммунистов попадаются зубные врачи. Может, их даже на четыре, а то и пять автобусов наберется. Но я прямо-таки обалдел от того, что папаша моей подружки оказался из такой редкой породы. Родители Идзуми с ума сходили от тенниса: как воскресенье – обязательно хватали ракетки и срывались на корты. Коммунисты, помешанные на теннисе, – это что-то. Но Идзуми, похоже, не видела в этом ничего особенного. Компартия ей была до лампочки, но родителей она любила и довольно часто играла в теннис вместе с ними. Да и меня хотела втянуть в это дело, но не тут-то было. Теннис – это без меня.

Она страшно завидовала, что я в семье – единственный ребенок, а брата и сестру терпеть не могла, называла их парочкой тупых идиотов.

– Как без них было бы хорошо! Просто красота. Всегда мечтала быть одной у родителей. Живешь спокойно, сама по себе, никто не пристает.

На третьем свидании я ее поцеловал. Идзуми зашла ко мне, когда дома никого не было, – мать отправилась по магазинам. Придвинувшись поближе, я коснулся губами ее губ. Закрыв глаза, она молчала. Я заготовил десяток оправданий на тот случай, если Идзуми обидится или отвернется, но они не понадобились. Не прерывая поцелуя, я обнял ее и прижал к себе. Лето катилось к финишу; на ней было полосатое льняное платье с пояском, концы которого болтались сзади, как хвостик. Ладонь нащупала у нее на спине застежку лифчика. Я чувствовал дыхание девушки на своей шее. Сердце так колотилось в груди, что готово было выскочить.

Мой член уткнулся Идзуми в бедро; казалось, он вот-вот лопнет от напряжения. Идзуми лишь чуть-чуть отодвинулась. Наверное, для нее в такой сцене не было ничего противоестественного или неприятного.

Мы сидели обнявшись на диване в гостиной. Напротив, на стуле, расположился кот. Он покосился на нас, потянулся лениво и снова погрузился в спячку. Я гладил ее волосы и целовал в маленькое ухо. «Надо бы что-то сказать», – мелькнуло в голове, но подходящих слов не нашлось. Какие там разговоры! Я и дышал-то еле-еле. Взяв Идзуми за руку, я поцеловал ее еще раз. Мы долго молчали.

Проводив Идзуми до станции электрички, я все никак не мог успокоиться. Вернулся домой, повалился на диван и уставился в потолок. В голове был полный кавардак. Вскоре вернулась мать и позвала меня ужинать. Но мне и думать о еде не хотелось. Ни слова не говоря, я сунул ноги в ботинки, вышел из дома и часа два бродил по городку. Мне было странно. Вроде я уже не один, и в то же время такое одиночество навалилось, какого раньше я никогда не чувствовал. Как будто впервые в жизни надел очки и никак не могу поймать перспективу. Казалось, далекое – вот оно, совсем рядом; неясные, расплывчатые предметы обретали четкие очертания.

Когда мы прощались на станции, Идзуми поблагодарила меня:

– Я такая счастливая! Спасибо тебе.

Я, конечно, тоже был рад – как-то не верилось, что девушка разрешила себя поцеловать. Как не радоваться! Но был ли я на седьмом небе от счастья? Вряд ли. Я напоминал башню, лишенную фундамента. Чем дольше вглядывался в даль с ее верхушки, тем сильнее меня раскачивало. Почему именно эта девчонка? Что я о ней знаю? Ну встречались несколько раз, болтали о разной чепухе. И больше ничего. Я места себе не находил от этих мыслей.

Вот если бы вместо Идзуми оказалась Симамото, если бы с ней я обнимался и целовался, я бы так не дергался. С ней мы понимали друг друга без слов, и никогда между нами не возникало неловкости.

Но Симамото рядом больше не было. У нее теперь своя, новая жизнь, а у меня – своя. Потому и сравнивать ее с Идзуми нечего. Все равно без толку. В старую жизнь дверь захлопнулась, нужно как-то утверждаться в окружающем меня новом мире.

Небо на востоке уже зарозовело, а я все не спал. Подремав кое-как пару часов, принял душ и пошел в школу. Надо поймать Идзуми и поговорить с ней. Убедиться, что все, что было вчера между нами, – правда. Услышать от нее, что ничего не изменилось. Ведь она и правда сказала на прощанье: «Я такая счастливая! Спасибо тебе». Хотя кто знает: вдруг мне это на рассвете привиделось? В школе нам поговорить так и не удалось. На перемене Идзуми не отходила от подружек, а после уроков сразу убежала домой. Мы только раз обменялись взглядами – когда переходили в другой кабинет. На ее лице мелькнула приветливая улыбка, я тоже улыбнулся в ответ. И все. Но в улыбке Идзуми я уловил: да, вчера все было так, как было. Словно она говорила мне: «Все было на самом деле». Так что, когда я возвращался на электричке домой, от сомнений, мучивших меня, почти не осталось следа. Идзуми была мне нужна, и тяга к ней легко пересилила все колебания и сомнения.

Что же я от нее хотел? Ну, это понятно. Раздеть хотел, хотел секса. Однако до этого было еще далеко. В таких делах существует четко установленный порядок. Для начала требуется расстегнуть молнию на платье. Но чтобы дойти до самого главного, надо принять порядка двадцати, а то и тридцати весьма непростых решений.

Прежде всего, следует запастись презервативами. Конечно, еще неизвестно, когда до них дело дойдет, но все же необходимо их где-то раздобыть. О том, чтобы купить в аптеке, я даже не думал. Хорош школьник, если покупает такие вещи!.. Нет, у меня смелости не хватит. В городке стояло несколько автоматов, торговавших этим добром, но я страшно боялся: вдруг кто-нибудь засечет меня. Мучился я этой проблемой дня три-четыре.

Но в конце концов все уладилось проще, чем я думал. Был у меня приятель, которого считали специалистом в таких делах. Недолго думая, я решил обратиться к нему:

– Знаешь, мне презервативы понадобились. Не поможешь достать?

– Нет ничего проще. Хочешь пачку? – ответил он невозмутимо. – Мой брат назаказывал их по каталогу целую кучу. Не знаю, зачем ему столько. Полный шкаф. Одной пачки он и не заметит.

– Принеси, а? Будь другом.

На следующий день он притащил резинки в школу в бумажном пакете, а я заплатил в буфете за обед за двоих и попросил его никому об этом не рассказывать.

Он обещал молчать и, конечно же, растрепал все своим дружкам, а те уже раззвонили по всей школе. Дошла история и до Идзуми. Она вызвала меня после уроков на школьную крышу и сказала:

– Хадзимэ! Я слышала, Нисида тебе презервативы дал.

Это словечко далось ей с большим трудом – оно прозвучало, как название вредоносного микроба, вызывающего какую-нибудь страшную инфекционную болезнь.

– Э-э-э… – промямлил я, безуспешно пытаясь подобрать нужные слова. – Да я так… Просто думал, может, лучше, чтобы были. На всякий случай…

– Ты для меня их достал?

– Да нет, что ты! Интересно посмотреть, вот и все. Извини, если тебе неприятно. Я их обратно отдам или выкину.

Мы устроились в уголке на маленькой каменной скамеечке. Собирался дождь, и на крыше, кроме нас, никого не было. Кругом ни звука. Я и не думал, что здесь бывает так тихо.

Наша школа стояла на вершине холма, и с крыши был прекрасно виден весь городок и море. Как-то раз мы с приятелями стащили из школьного радиоузла десяток старых пластинок и стали запускать их с крыши.

Поймав ветер, они, ожившие на мгновенье, радостно, по красивой дуге, летели в сторону гавани. И надо же было случиться: одна пластинка не набрала высоту, неловко закувыркалась в воздухе и свалилась прямо на теннисный корт, до смерти напугав двух новеньких девчонок – их угораздило там тренироваться. Нам тогда по первое число досталось. И вот через год с небольшим после того случая на том же месте подружка учинила мне допрос из-за этих злосчастных презервативов. Подняв голову, я увидел кружившего в небе коршуна. Здорово,

наверное, быть такой птицей. Летай себе, и больше от тебя ничего не требуется. Уж во всяком случае – предохраняться не надо.

– Я тебе правда нравлюсь? – тихо спросила Идзуми.

– Еще как! – отвечал я. – Конечно, нравишься.

Сжав губы в ниточку, она посмотрела мне прямо в глаза и так долго не отводила взгляд, что мне сделалось не по себе.

– Ты мне тоже, – наконец сказала Идзуми.

«Сейчас скажет: но…» – подумал я и угадал.

– Но не торопись, пожалуйста.

Я кивнул.

– Ты такой горячий. Подожди. Я не могу так быстро. Просто не могу. Мне подготовиться надо. Ты ведь можешь подождать?

Я снова кивнул, не сказав ни слова.

– Обещаешь? – проговорила она.

– Обещаю.

– Ты не сделаешь мне больно?

– Не сделаю, – сказал я.

Идзуми опустила голову и поглядела на свои туфли – обыкновенные черные мокасины. Рядом с моими они казались совсем маленькими, словно игрушечными.

– Я боюсь! – сказала она. – Мне стало казаться в последнее время, что я превратилась в улитку, у которой отобрали ее домик.

– Я сам боюсь, – отозвался я. – Чувствую себя иногда, как лягушка с рваными перепонками.

Идзуми подняла на меня глаза и улыбнулась.

Будто сговорившись, мы молча встали и перешли в тень какой-то будки на крыше, обнялись и поцеловались. Улитка без домика и лягушка без перепонок на лапках… Я крепко прижал к себе Идзуми. Наши языки робко соприкоснулись. Рука скользнула по ее блузке, нащупала грудь. Идзуми не возражала, лишь закрыла глаза и вздохнула. Грудь у нее оказалась небольшая и уютно уместилась в ладони, будто ей там было самое место. Идзуми тоже прижала руку к моей груди, к самому сердцу, и это касание как бы влилось в его глухие толчки. «Конечно, она совсем другая, не такая, как Симамото, – думал я. – Нечего ждать от нее того, что я получал от Симамото. Но она моя и старается отдать мне все, что может. Как же я могу сделать ей больно?»

Я ничего тогда не понимал. Мне и невдомек было, что можно нанести человеку такую глубокую рану, после которой уже ничего не вернешь, не поправишь. Иногда для этого достаточно одного своего существования.

Глава 3

Мы встречались с Идзуми больше года. Каждую неделю. Ходили в кино, вместе занимались в библиотеке, просто гуляли. Но до секса дело все не доходило. Раза два в месяц я приглашал Идзуми к себе, если родители куда-нибудь уходили. Мы обнимались на кровати, но раздеваться она отказывалась наотрез, хоть и знала, что дома никого больше нет. Осторожничала: «А вдруг они сейчас вернутся? Что тогда?» Идзуми не трусила, нет. Такой у нее был характер: терпеть не могла неловких и неприличных ситуаций.

Так что приходилось обнимать ее поверх одежды и всячески изворачиваться, неловко просовывая пальцы под разные бретельки и резинки, чтобы все-таки добраться до тела.

– Ну не спеши, – говорила она, глядя на мою унылую физиономию. – Подожди еще чуть-чуть. Мне же надо подготовиться.

Сказать по правде, я не очень-то и торопился. Непонятно, что будет дальше. Да и, надо сказать, история эта мне уже порядком надоела. Конечно, Идзуми мне нравилась, и вообще приятно, когда у тебя есть подружка. Если бы не она, про те годы и вспомнить было бы нечего – тоска зеленая. Простая, хорошая девчонка, такие обычно нравятся. А интересы у нас были совсем разные. Книги, музыка… В этом она почти не разбиралась. Поэтому говорить с ней на такие темы на равных было невозможно. Не то что с Симамото.

Но стоило сесть рядом, коснуться пальцев Идзуми, как на душе сразу становилось легко и тепло. С ней можно было свободно говорить обо всем – даже о том, чего никому другому не скажешь. Мне нравилось целовать ее веки, место между носом и верхней губой. Я любил проводить кончиком языка по маленьким ушам Идзуми, приподняв волосы, а она хихикала от щекотки. Даже сейчас, когда я вспоминаю о ней, перед глазами встает тихое воскресное утро. Все спокойно, хорошая погода, день только начинается. Воскресенье – уроков делать не надо, занимайся чем хочешь. В такое утро мне до сих пор вспоминается Идзуми.

Само собой, недостатки у нее тоже были. Иногда в ней вдруг просыпалось упрямство, да и воображения не хватало. Идзуми шагу не могла ступить за пределы мирка, где выросла. Есть вещи, которые затягивают так, что про еду и сон забываешь. С ней такого никогда не случалось. И еще она очень залипала на своих родителях. Пробовала судить о чем-то – выходило плоско и банально, хотя сейчас я думаю: а что еще можно было ждать от шестнадцати-семнадцатилетней девчонки? От этого делалось скучно и тоскливо. Зато она ни о ком не говорила гадостей, не доставала меня хвастовством. Идзуми явно была ко мне неравнодушна – что бы я ни говорил, всегда слушала внимательно, старалась поддержать. Я много вещал о себе, о будущем, о том, чем хочу заниматься, кем стать. В общем, мечтал и фантазировал, как большинство мальчишек. Но она слушала не отрываясь и подбадривала меня:

– Ты станешь замечательным человеком. Обязательно. Я знаю. Ты отличный парень.

И она говорила искренне. За всю жизнь я ни от кого больше не слышал таких слов.

А как я балдел, прижимая ее к себе! Даже одетую. Хотя никак не мог понять, где же в Идзуми скрывается то, что предназначено специально для меня? Искал и не находил. У нее имелась масса достоинств, и они, конечно, намного перевешивали недостатки. Но чего-то в ней не хватало – чего-то самого главного. Разбери я тогда, в чем дело, чего ей недостает, – точно затащил бы ее в койку. Сколько ж можно резину тянуть! Правда, не сразу, но все равно запудрил бы девчонке мозги, уговорил бы лечь со мной. Но я этого не сделал – уверенности не чувствовал. Мне тогда было лет семнадцать-восемнадцать – парень без тормозов, да еще любопытство и мысли о сексе одолевали. И надо же: хоть голова и была забита ерундой, но все-таки что-то соображала. Я понимал – раз не хочет, не надо ее принуждать. Наберись терпения и жди.

Но один раз мне все же удалось добиться своего. Как-то я взял и заявил:

– Не могу больше в одежде тискаться. Не хочешь трахаться – не надо. Но я хочу посмотреть, какая ты… без этих тряпок, хочу обнимать тебя голой. Пойми! Мне это нужно. Сил нет терпеть!

– Ладно. Если ты так хочешь… – проговорила Идзуми, немного подумав. – Но обещай… – Она сделала серьезное лицо. – Только это. Чего я не хочу, делать не будешь, да?

Это случилось в воскресенье, в самом начале ноября. День выдался замечательный – ясный, хоть немного и прохладный. Родители уехали на поминки по кому-то из родственников отца. Мне тоже бы следовало, но я остался дома, сказав, что буду готовиться к экзаменам. Отец с матерью должны были вернуться поздно вечером. Идзуми пришла после обеда. Мы обнимались на кровати в моей комнате, и я стал раздевать ее. Она лежала с закрытыми глазами и молчала. Копался я долго. Пальцы у меня от рождения корявые, да еще женские наряды так по-хитрому устроены. Пока суд да дело, Идзуми открыла глаза и принялась раздеваться сама. На ней были узкие бледно-голубые трусики и такого же цвета лифчик. Не иначе специально купила для такого случая. Раньше она всегда носила белье, которое матери обычно покупают дочерям-школьницам. Вслед за ней разделся и я.

Обхватив нагое тело Идзуми, я целовал шею, грудь, гладил кожу, вдыхал ее аромат. Настоящее чудо – скинуть все с себя и лежать так, крепко прижавшись друг к другу. Я совершенно обезумел и уже изготовился войти в нее, однако

Идзуми решительно отодвинулась.

– Извини, – сказала она и, взяв мой пенис в рот, задвигала языком. Ничего подобного Идзуми раньше не вытворяла. Ее язык скользил по головке, я окончательно перестал что-либо соображать и тут же изверг копившуюся во мне энергию.

После этого я долго не отпускал Идзуми, я ласкал каждый сантиметр ее тела, которое купалось в заливавших комнату лучах осеннего солнца. То был фантастический день. Мы не могли оторваться друг от друга, и я кончил еще несколько раз. А она все время бегала в ванную – полоскать рот и смеялась:

– Как все странно.

То воскресенье – самый счастливый день, который мы провели вместе за год с небольшим, пока продолжались наши встречи. Два голых человека… Что нам было скрывать друг от друга? Мне кажется, тогда я узнал об Идзуми гораздо больше, чем за все время, что мы до этого провели вместе, – да и у нее, наверное, было такое же чувство. Мы узнали друг о друге кучу необходимых вещей. Нам были важны не только слова и обещания, но и любая мельчайшая деталь. Накапливаясь, незаметно они подталкивали нас вперед. Этого, похоже, Идзуми и добивалась.

Она долго лежала, устроив голову у меня на груди и будто прислушиваясь к ударам моего сердца. А я гладил ее волосы. Мне было семнадцать. Почти взрослый парень. Жизнь была прекрасна.

* * *

Часа в четыре, когда Идзуми уже собиралась уходить, в прихожей вдруг раздался звонок. Поначалу я решил не открывать: «Кто это еще ломится? Не буду выходить, позвонит и уйдет». Но звонок не унимался, он рассыпался настойчивыми трелями. «Вот черт!» – подумал я. Идзуми побелела как полотно:

– Родители вернулись?

Соскочив с кровати, она принялась собирать разбросанную одежду.

– Да не бойся ты так. Не могут они быть так рано. И потом – у них ключи есть. Чего тогда звонить?

– Мои туфли! – проговорила она.

– Туфли?

– Я туфли в прихожей оставила.

Я кое-как влез в одежду, запихал в шкаф ее туфли и отворил дверь. На пороге стояла тетка – мамина сестра. Она жила одна, в часе езды на электричке, и время от времени наведывалась к нам развеять скуку.

– Что случилось? Звоню-звоню… – спросила тетка.

– Музыку слушал, в наушниках не слышно ничего, – отвечал я. – Родителей нет. На поминки уехали, вернутся поздно. Ты, наверное, знаешь, тетя?

– Знаю-знаю. Я тут заезжала кое-куда по делам и подумала: надо бы тебе ужин приготовить, пока ты занимаешься. Я уже все купила.

– Ну тетя! Что-что, а ужин я сам могу сварганить. Я же не дитё малое, – сказал я.

– Но я уже купила все. А у тебя времени совсем нет. Занимайся спокойно, я все приготовлю.

Вот влипли, подумал я. Ну ё-моё! Как же Идзуми домой вернется? У нас в доме, чтобы попасть в прихожую, надо было пройти через гостиную, а потом топать до ворот мимо кухонного окна. Конечно, можно было сказать тетке, что Идзуми – моя подружка, в гости, мол, пришла, но я ведь должен был изо всех сил готовиться к экзаменам. А какие могут быть занятия, если я девчонку к себе позвал? Просить тетку не рассказывать родителям – бесполезно. Тетушка вообще человек неплохой, но не из тех, кто умеет хранить секреты.

Пока она разбирала на кухне продукты, я поднялся к себе на второй этаж, прихватив туфли Идзуми, и рассказал, что произошло.

Она побледнела:

– Что же мне теперь делать? Так и сидеть здесь? Ведь я до ужина должна быть дома. Знаешь, что будет, если я не приду?

– Не бойся, все будет в порядке. Что-нибудь придумаем, – успокаивал ее я, хоть и не представлял, как вывернуться из этой ситуации. Понятия не имел.

– Застежка от чулка еще куда-то отскочила. Я уж все тут обыскала – нигде нет.

– Застежка?

– Ну да. Маленькая такая, металлическая.

Я обшарил всю комнату – искал на полу, на кровати, но так ничего и не нашел.

– Делать нечего. Иди тогда без чулок.

Я спустился на кухню, где тетка резала овощи. Ей не хватило растительного масла, и она попросила меня сбегать. Отказываться нельзя, и я погнал на велосипеде в ближайшую лавку. На улице уже темнело. Я начал беспокоиться: что ж, Идзуми так и будет сидеть у меня в комнате? Надо что-то придумать, пока родичи не вернулись.

– Надо проскользнуть, когда тетка в туалет пойдет, – предложил я.

– Думаешь, получится?

– Попробуем. Не век же тут сидеть.

Мы договорились так: я спускаюсь, жду, когда тетка двинет в туалет, и два раза громко хлопаю в ладоши. Идзуми тут же бежит вниз, надевает туфли – и к двери.

Если все проходит нормально – звонит из телефонной будки недалеко от нашего дома.

Тетка продолжала сражаться с овощами, варила мисо[5 - Традиционный японский суп, который готовят на основе пасты из соевых бобов.], жарила яичницу. Время шло, а в туалет она, похоже, не собиралась. У меня все внутри кипело: хороша тетушка! С таким мочевым пузырем ей в Книгу рекордов Гиннесса надо записываться! Я уж было совсем потерял надежду, когда она сняла наконец фартук и вышла из кухни. Удостоверившись, что она закрыла за собой дверь ванной, я выскочил в гостиную и изо всех сил ударил в ладоши – раз, два! Идзуми спустилась по лестнице, держа в руках туфли, проворно их надела и на цыпочках выскользнула из прихожей. Я метнулся в кухню посмотреть, как она выходит из ворот, и тут же из туалета показалась тетка. Я перевел дух.

Идзуми позвонила через пять минут. Я вышел из дома, обещав тетке скоро вернуться. Идзуми ждала у телефонной будки.

– Все! С меня хватит! – заявила она, не дав мне рта раскрыть. – Больше мы этого делать не будем.

Видно было, что Идзуми разозлилась не на шутку. Я повел ее в сквер возле станции, усадил на скамейку, ласково взял за руку. На ней был красный свитер, поверх него – легкое пальтецо бежевого цвета. Я с нежностью представил ее тело под одеждой.

– Но ведь сегодня так классно было. Пока тетка не заявилась, конечно. Разве нет? – спросил я.

– Да, замечательно. Мне вообще с тобой всегда очень здорово. Но как остаюсь одна – уже ничего не понимаю.

– Чего ты не понимаешь?

– Например, что дальше будет. После школы. Ты ведь, скорее всего, в Токио поедешь, в университет. А я здесь буду поступать. Как же мы дальше будем?

Я действительно решил, окончив школу, перебраться в Токио, в какой-нибудь университет. Надо удирать из этого городка, из-под родительской опеки, пора пожить одному. Годовые оценки в школе у меня были не очень, но по некоторым предметам – вполне приличные, хотя на уроках я, прямо скажу, не напрягался.

Так что в частный университет, где мало экзаменов, уж как-нибудь поступлю, думал я. А Идзуми? О том, чтобы она поехала со мной, нечего было и мечтать. Родители ее ни за что бы не отпустили, а она и не думала прекословить – никогда слова против их воли не говорила. Поэтому, конечно, ей хотелось, чтобы я остался. «Наш университет тоже хороший. Что, на Токио свет клином сошелся, что ли?» – уговаривала меня Идзуми. Если бы я пообещал ей не уезжать, она бы наверняка согласилась со мною спать.

– Погоди! Я же не за границу собираюсь. Всего-то три часа езды. А потом, каникулы в университете длинные – значит, три-четыре месяца в году я здесь буду жить, – объяснял я ей снова и снова.

– Но ты же меня забудешь, как только уедешь отсюда. Найдешь себе другую девушку, – опять и опять повторяла Идзуми.

А я каждый раз уверял ее, что такого быть не может: «Ты мне нравишься. Как же я могу так – взять и забыть?» Хотя, сказать по правде, я сам не был уверен в том, что говорю. Достаточно смены декораций, и все сразу может измениться – ход времени, поток эмоций. Как мы расстались с Симамото… Такие неразлучные, и то – стоило перейти в среднюю школу и оказаться в разных городках, как наши пути разошлись. На что я был к ней неравнодушен, и она сама просила ее навещать, но все равно я перестал к ней ездить.

– Никак понять не могу, – продолжала Идзуми. – Ты говоришь, что я тебе нравлюсь, что дорога тебе. Но иногда я не представляю, что у тебя в голове.

Тут Идзуми достала из кармана пальто носовой платок и вытерла слезы. Я и не заметил, что она плачет. Не зная, что сказать, я ждал продолжения.

– Мне кажется, ты любишь обдумывать и решать все сам. И чтобы никто не совал нос в твои дела. Может, это потому, что ты единственный ребенок. Привык думать и действовать в одиночку. Считать: раз я так думаю – значит, все правильно, – говорила Идзуми, качая головой. – Иногда это меня ужасно пугает. Как будто меня все бросили и забыли.

«Единственный ребенок»! Давненько я не слышал этих слов, на которые так обижался в младших классах. Но Идзуми вкладывала в них совсем другой смысл. Говоря «единственный ребенок», она имела в виду не избалованного,

испорченного мальчишку, а мою натуру, замкнувшуюся в собственном мире и не желающую его покидать. Она не упрекала меня, нет. Просто от этих мыслей на нее напала тоска, вот и все.

– Знаешь, какое это было счастье, когда ты меня обнимал! Я даже подумала: а вдруг и правда у нас с тобой все будет хорошо, – сказала Идзуми, когда мы расставались. – Но в жизни так не выходит, наверное.

Шагая от станции домой, я думал о том, что наговорила мне Идзуми. В общем-то, она правильно сказала: открываться перед другими людьми – не в моей привычке. Идзуми распахнула душу мне навстречу, но я оказался не в состоянии ответить ей тем же. Оставил закрытой калитку в свое сердце, хотя эта девчонка, конечно же, мне нравилась.

Тысячу раз ходил я этой дорогой – от станции к дому, но в тот день наш городок показался мне совсем чужим. Я шел, а видение нагой Идзуми, которую я совсем недавно обнимал, никак не хотело оставлять меня. Я снова видел ее отвердевшие соски, волосы на лобке, ее мягкие бедра. Это было невыносимо. Я купил в автомате у табачной лавки пачку сигарет, вернулся в сквер на скамейку, где мы сидели с Идзуми, и закурил, чтобы успокоиться.

Эх, если бы не тетка – принесла ж ее нелегкая! – все было бы прекрасно. Мы с Идзуми, наверное, расстались бы по-другому. Все было бы куда лучше. Хотя, не будь тетки, все равно рано или поздно произошло бы нечто подобное. Не сегодня, так завтра. Самая большая проблема – в том, что все хорошо, никак не удавалось убедить Идзуми. А не удавалось потому, что я не мог этого доказать даже самому себе.

Солнце село, и сразу подул холодный ветер, будто напоминая: зима скоро. Придет Новый год, там, не успееешь оглянуться, и экзамены в университет, а за ними ждет абсолютно новая жизнь. Все изменится, и я стану совсем другим. Грядущие перемены пугали, и в то же время я ждал их с нетерпением. Тело и душа стремились туда, где я еще не бывал, жаждали свежего воздуха. В тот год студенты захватили многие университеты, по улицам Токио валами катились демонстрации. Мир менялся прямо на глазах, и я кожей ощущал его накал. Оставаться в моем сонном городишке было невозможно. Даже если бы Идзуми захотела меня удержать и согласилась со мной переспать, все равно бы уехал. Даже если бы после этого пришел конец нашим отношениям. Оставшись, я бы обязательно лишился чего-то такого, что терять нельзя. Ощущения мечты –

зыбкой и обжигавшей острой болью. Такие мечты бывают, только когда тебе семнадцать.

Идзуми ни за что бы не поняла мою мечту. Она тогда грезила о другом, жила в совершенно ином, далеком от меня, мире.

Однако еще до того, как началась моя новая жизнь, между нами неожиданно произошел разрыв.

Глава 4

Девица, с которой я лишился невинности, оказалась у родителей единственной дочкой.

Она – или, может, надо сказать: и она тоже? – была не из тех, на кого мужики непроизвольно засматриваются на улице. На такой тип вообще мало внимания обращают. Но, несмотря на это, меня сразу потянуло к ней – как только я ее увидел. Почему? Сам не знаю. Будто средь бела дня в меня вдруг без звука шарахнул невидимый грозовой заряд. Ба-бах! – и все. Без объяснений. И никаких тебе «но» или «если».

* * *

Оглядываясь назад, скажу: красотки в обычном смысле слова всерьез меня никогда не волновали, хотя случались, конечно, и исключения. Иду, бывало, с каким-нибудь приятелем, он раз меня в бок: «Гляди! Какая фемина!» Как ни странно, ни одной такой «фемины» я в лицо вспомнить не могу. Ну не впечатляли меня все эти красавицы – актрисы, фотомодели, что поделаешь? Бог знает, почему так получалось, но факт есть факт. Граница между реальностью и миром грез и мечтаний всегда казалась мне размытой, и даже в тинейджерские годы, когда страсти кипят, смазливого личика было недостаточно, чтобы я по-настоящему завелся.

Меня всегда привлекала не заурядная внешняя красота, которую можно уложить в несколько физических параметров, а нечто иное, таящееся глубоко внутри. Есть люди, которые в душе балдеют, когда ливень идет, когда

землетрясение или вдруг свет вырубается. А я ловил кайф от загадочного и непонятного нечто, привлекавшего меня в противоположном поле. Назовем это магнетизмом. Таинственной силой, что притягивает, поглощает людей против их воли.

Пожалуй, ее можно сравнить с ароматом духов. Даже люди, которые придумывают новые, особенные запахи, специалисты, не в состоянии, наверное, объяснить, как это у них выходит. Во всяком случае, научный анализ тут вряд ли поможет. Непонятно, каким образом получается сочетание запахов, сводящее с ума противоположный пол, как зверей в период случки. Один аромат из ста человек привлекает пятьдесят, еще один – другие пятьдесят. Но есть запахи особые, от них с ума сходят всего один или двое из сотни. У меня на такие запахи чутье. В них – моя судьба, я их улавливал издалека. Стоило на горизонте появиться такому человеку, как мне сразу хотелось подойти и сказать: «Эй! Я все о тебе знаю. Никто не знает, а я знаю».

* * *

Как только я ее увидел, тут же решил: хорошо бы с ней переспать. Нет, я просто должен с ней переспать. И еще я инстинктивно понял, что она думает обо мне то же самое. При виде нее у меня буквально пробегала дрожь по телу. Такое возбуждение накатывало, что эрекция даже ходить мешала. Столь сильное влечение я испытывал впервые (что-то подобное вызывала у меня Симамото, но я тогда был слишком зелен, чтобы рассуждать о женских чарах). Эту девушку я повстречал в последнем классе, в семнадцать лет. Ей было двадцать – она училась в университете, на втором курсе. Как выяснилось, она приходилась Идзуми двоюродной сестрой. У нее был приятель, однако это ничего не меняло. С таким же успехом ей могло быть сорок два, у нее могло быть трое детей или пара хвостиков на заднице. Меня бы это все равно не остановило – так силен был исходивший от нее магнетизм. Мы не могли разойтись просто так. Это я знал наверняка – равно как и то, что жалел бы всю жизнь, если бы отпустил ее.

В общем, получилось, что в первый раз я согрешил с двоюродной сестрой своей подружки. Сестры бывают разные, а эти были – неразлей-вода. Дружили с детства, все время ходили друг к другу в гости. Сестра Идзуми училась в Киото и снимала квартиру у Западных ворот Императорского дворца. Как-то мы поехали с Идзуми в Киото и пригласили ее пообедать с нами. После случая с теткой, нагрянувшей в самый неподходящий момент, прошло две недели.

Когда Идзуми отлучилась, я попросил у сестры телефон, сказав, что хочу расспросить ее об университете, в котором она училась. Через пару дней позвонил и предложил встретиться в следующее воскресенье. Немного подумав, она согласилась. Слушая ее, я убедился, что и она не прочь со мной переспать. По голосу понял. В воскресенье я в одиночку отправился в Киото. Мы встретились, и уже через пару часов оказались в постели.

Двамесяцау нас была такая любовь, что крыша ехала. Ни походов в кино, ни прогулок, ни разговоров – о книгах, музыке, жизни, войне, революции. Ничего, кроме секса. Конечно, о чем-то мы говорили, но я почти ничего не помню. В памяти отпечатались только конкретные материальные образы: будильник у подушки, занавески на окнах, черный телефон на столе, календарь с фотографиями, ее одежда, разбросанная по полу… И еще – аромат ее кожи, голос. Я не задавал вопросов, она – тоже. Впрочем, однажды мы лежали в постели, и я вдруг ни с того ни с сего спросил:

– Ты случайно не одна у родителей? Не единственная дочь?

– Одна, – проговорила она с загадочным видом. – Ни братьев, ни сестер. А как ты догадался?

– Да никак. Обычная интуиция.

Она поглядела на меня:

– А может, ты тоже единственное чадо?

– Точно, – сказал я.

Вот и все, что удержала память из этих разговоров. «Единственная дочка. Надо же!»

Мы так увлекались, что забывали о еде. Прерывались, только чтобы не умереть с голоду. Лишь увидим друг друга, сразу же скидываем одежду, прыг в постель и… пошло-поехало. Как в омут головой. У меня внутри все горело, когда я ее видел, да и с ней творилось то же самое. За одну встречу у нас получалось по четыре-пять раз. Я буквально выжимал себя до капли; от такого секса все

разбухало и болело. Но ни ей, ни мне, несмотря на бешеную страсть и неистовую силу, толкавшую нас друг к другу, и в голову не приходило мечтать о том, что эта связь надолго сделает нас счастливыми. Словно смерч подхватил нас и понес неведомо куда, но его сила рано или поздно должна была иссякнуть. Мы чувствовали, что вечно это продолжаться не может, поэтому каждая встреча казалась нам последней, и эта мысль распаляла нас еще больше.

Честно говоря, я не любил ее. И она меня, конечно, тоже. Но это не имело значения. Куда серьезнее было другое – меня неудержимо влекло куда-то, втягивало в нечто для меня важное. И мне хотелось знать, что это такое. Очень хотелось. Даже возникло желание – будь такая возможность – запустить руку и нащупать это у нее внутри.

Мне нравилась Идзуми, однако с ней я ни разу не переживал эту непостижимую силу. Ее сестру я совсем не знал, чувств серьезных у меня к ней не было, и тем не менее она вызывала во мне дрожь – как магнитом притягивала. О серьезном мы не говорили никогда, зачем это нужно, да и сил на разговоры не оставалось.

Хотя даже если бы они вдруг появились, мы лучше бы снова завалились в постель.

Такой угар мог продолжаться без передышки несколько месяцев, пока кому-нибудь из нас бы это не надоело. Наша связь была нужна и ей, и мне; она казалась совершенно естественной и не вызывала никаких сомнений. Для любви, чувства вины, мыслей о будущем в ней не нашлось места с самого начала.

Не откройся моя связь с ее сестрой (хотя скрыть ее было довольно трудно – мы так далеко зашли, что совсем потеряли голову), у нас с Идзуми так бы все и тянулось. Встречались бы, когда я приезжал из Токио на каникулы. Не знаю, сколько бы это продолжалось. Но через несколько лет наш роман, скорее всего, умер бы сам собой. Мы были слишком разные, и со временем пропасть между нами становилась все глубже. Сейчас, когда я оглядываюсь назад, это кажется таким очевидным. Но если уж расставание было неизбежным, оно вполне могло пройти мирно, по-товарищески, и мы бы взошли в этой жизни на новую ступеньку. Так бы, наверное, и получилось, не свяжись я с сестрой Идзуми.

Но все вышло иначе.

Я обошелся с Идзуми жестоко и, в общем, понимал, какую причинил ей боль. Судя по школьным оценкам, она без труда могла поступить в университет, но провалилась на экзаменах и начала учебу в каком-то заштатном женском колледже. После того как все открылось, мы виделись с Идзуми только раз – долго объяснялись в кафе, где раньше часто бывали. Стараясь быть откровенным до конца, я тщательно подбирал слова, чтобы раскрыть ей свои чувства. Говорил, что не надо делать трагедию из того, что произошло у меня с ее сестрой. Что это – побочное явление, физическое влечение и больше ничего. Что я не собирался ее предавать, поэтому мне стыдиться нечего. Что к нам это никакого отношения не имеет.

Но Идзуми, конечно же, ничего не поняла. Обозвала меня грязным лгуном. В общем-то, по делу. Ведь я, ничего ей не сказав, тайком спал с ее сестрой. Не раз и не два, а десять, двадцать раз. Все это время я ее обманывал. Зачем? Если я такой хороший, зачем было морочить ей голову? Потому что я хотел ее сестру. Безумно хотел иметь ее! Тысячу раз, во всех мыслимых и немыслимых позах. Надо было сразу сказать Идзуми, что к ней это не имеет никакого отношения. Но я не решился и начал врать. Начал и уже не мог остановиться. Выдумывал какой-нибудь предлог, чтобы не ветречаться с Идзуми, и мчался в Киото, под одеяло к ее сестрице. Что ж тут было оправдываться, раз кругом виноват?

Идзуми узнала обо всем в конце января, вскоре после моего дня рождения – мне как раз исполнилось восемнадцать. В феврале я легко сдал все экзамены в университет и в конце марта должен был ехать в Токио. Перед отъездом я чуть телефон не оборвал, названивая Идзуми. Она не брала трубку. Я писал ей длинные письма и не получал ответа. Искренне переживал: «Нельзя же просто взять и уехать. Бросить Идзуми в таком состоянии». Но что тут можно было сделать? Она не хотела меня больше знать.

Сидя в «синкансэне»[6 - Скоростной железнодорожный экспресс, связывающий главные города Японии.], мчавшем меня в Токио, я рассеянно скользил глазами по проносившимся мимо пейзажам и думал – думал о том, что со мной творится. Смотрел на сложенные на коленях руки, на свое отражение в окне. Что я за человек? Первый раз в жизни я себя ненавидел – причем лютой ненавистью. Как я мог так поступить? Почему? Понятно почему. Если б можно было вернуться назад, я повел бы себя точно так же. Все равно связался бы с сестрой Идзуми, хотя и пришлось бы врать снова. Спал бы с ней, как больно бы от этого ни было Идзуми. Сознаться в этом было тяжело. Но от правды не уйдешь.

Я был жесток не только с Идзуми – и самому себе я нанес рану, хотя в то время еще не понимал, насколько глубокую. Та история должна была многому научить меня, но, посмотрев спустя несколько лет на то, что произошло тогда, я уяснил для себя лишь одну важную вещь. Оказалось, я способен причинять зло. Никому никогда вредить не собирался, и вот пожалуйста – выяснилось, что, когда мне нужно, я могу быть эгоистичным и жестоким, несмотря на благие намерения. Такие типы способны под благовидным предлогом наносить страшные незаживающие раны даже людям, которые им дороги.

Поступив в университет и переехав в другой город, я попытался обрести новое «я», начать жизнь заново. Надеялся, что, став другим, исправлю допущенные промахи. Вначале казалось, что у меня все получится, но что бы я ни делал, куда бы ни шел, я всегда оставался самим собой. Повторял одни и те же ошибки, так же ранил людей, да и себя заодно.

В двадцать лет меня вдруг обожгла мысль: неужели из меня ничего хорошего уже не выйдет? Все ошибки, которые я совершил, – и не ошибки вовсе. Может, это во мне сидит с самого рождения. От таких мыслей на душе становилось тошно.

Глава 5

О четырех годах в университете особо сказать нечего.

В первый год я втянулся в студенческое движение – несколько раз участвовал в демонстрациях, даже с полицией бился. Митинговал вместе со всеми в университете, бывал на политических сходках, познакомился с интересным народом. Но почему-то душа к политике не лежала. Каждый раз, шагая в колонне демонстрантов, взявшись с кем-нибудь за руки, я ощущал себя не на своем месте. Швырял камни в полицейских и думал: нет, это не я. Неужели мне это нужно? Стадное чувство толпы меня не захватывало. Дух уличного насилия, решительные фразы постепенно теряли свою привлекательность, и я начал ностальгически вспоминать дни, которые мы с Идзуми провели вместе. Но что было, того уж не вернешь. То время осталось позади.

Учеба тоже меня мало интересовала. Большинство лекций были бессмысленными, скучными и никакого отклика, кроме безразличия, не вызывали. На занятиях я показывался редко – все время тратил на то, чтобы где-

нибудь подработать. Счастье, что вообще четыре года продержался и университет окончил. На третьем курсе познакомился с одной девчонкой, жил с ней полгода, но дальше дело не пошло. В общем, существовал без всякого понятия о том, что же все-таки хочу от жизни.

По пути я заметил, что мода на политику прошла. Как флаг, потерявший ветер и бессильно повисший на флагштоке, гигантские волны, одно время сотрясавшие основы, улеглись, растворившись в тусклой повседневности будней.

После университета приятель помог мне устроиться в издательство, выпускавшее школьные учебники. Я коротко постригся, начистил ботинки, облачился в костюм. Издательство – так себе, но в тот год литературоведам вообще некуда было податься. А с такими оценками, как у меня, да еще без связей – в более приличном месте я бы точно получил от ворот поворот. Поэтому пришлось довольствоваться тем, что есть.

На работе я быстро заскучал, чего и следовало ожидать. Место, в принципе, оказалось неплохое, да беда в том, что редактирование учебников не доставляло мне ни малейшего удовольствия. Полгода я вкалывал изо всех сил, надеясь войти во вкус: ну должен же быть результат, когда отдаешь все силы. Но в конце концов смирился – не для меня такая работа, как ни крути, – и окончательно пал духом. Казалось, жизнь кончена. Если ничего не случится, так и придется загибаться за этими тоскливыми учебниками месяц за месяцем. До пенсии еще тридцать три года, нескончаемая череда дней – читай гранки, считай строчки, проверяй орфографию. Женюсь на порядочной девушке, обзаведусь детишками. Буду ждать премий два раза в год – единственная радость. Помню, Идзуми как-то сказала: «Ты станешь замечательным человеком. Обязательно. Я знаю. Ты отличный парень». Стыдно вспоминать эти слова. Эх, Идзуми… Нет ничего замечательного во мне. Теперь поняла, наверное. Ну что поделаешь? Все мы люди.

Как автомат отработав день в издательстве, все свободное время я читал или слушал музыку.

Решил: раз я обязан работать – значит, оставшееся время надо тратить с пользой для себя, для удовольствия. Выпивать после работы с другими сотрудниками не ходил. И не потому, что был нелюдим. Вовсе нет. Я никого не сторонился. Просто не желал завязывать личных отношений с коллегами в нерабочее время, считал, что мое время должно принадлежать мне одному.

Так незаметно пролетели четыре или пять лет. За эти годы я сменил несколько «подружек», но ни с одной меня надолго не хватало. Проходил месяц-другой, и начинала мучить мысль: «Нет! Это не то». Во всех было что-то не то. С несколькими я просто переспал, без особых эмоций. То время – третий этап в моей жизни. Двенадцать лет – от поступления в университет до того, как мне стукнуло тридцать. Годы разочарований, одиночества и молчания, когда я никому не открывал душу. Вечная мерзлота, одним словом.

Я все глубже замыкался в себе. Везде один – ел, гулял, ходил в бассейн, на концерты, в кино. И ничего – от тоски и грусти не умер. Часто думал о Симамото и Идзуми. Интересно, где они? Чем занимаются? Наверное, замуж вышли. Может, и дети уже есть. Повидаться бы, поговорить хоть часок. Уж им-то можно рассказать о себе все, откровенно. Часами ломал голову, как бы помириться с Идзуми или встретиться снова с Симамото. «Вот было бы здорово!» – воображал я и в то же время пальцем не пошевелил, чтобы мечты мои сбылись. Нет, эти двое ушли из моей жизни и больше не вернутся. Время нельзя повернуть вспять. Я начал разговаривать сам с собой, прикладываться по ночам к бутылке. Стали одолевать мысли, что я никогда не женюсь.

На второй год работы в издательстве я познакомился с одной хромоножкой. У меня с ней случилось свидание. Один парень с работы потащил меня на встречу со своей девчонкой, сказав, что она подружку приведет.

– Правда, она хромает немножко, – конфузливо проговорил он. – Но зато очень миленькая и характер замечательный. Она тебе понравится. Точно. Да она почти и не хромает. Так, чуть-чуть ногу приволакивает.

– Ну и ладно. Велика важность! – отозвался я. Сказать по правде, никуда бы я не пошел, не заикнись он о ее больной ноге. Эти свидания пара на пару мне до чертиков надоели. Идешь и не знаешь, какую кошку тебе в мешке подсунут на этот раз. Но услышав, что она хромая, я уже не мог отказаться.

«Да она почти и не хромает. Так, чуть-чуть ногу приволакивает».

Подружка моего знакомого дружила с этой девчонкой. Вроде они в школе в одном классе учились. Девчонка оказалась невысокой, симпатичной, с правильными чертами лица. Можно даже сказать, красивой – но не эффектной, бросающейся в глаза красотой, а по-своему, как-то тихо, незаметно. Глядя на

нее, я представил маленького зверька – он забился в лесную чащу и не показывает оттуда носа. В воскресенье мы сходили утром в кино, а затем вчетвером отправились обедать. За обедом она едва сказала несколько слов. Только молча улыбалась, несмотря на все мои попытки расшевелить ее. В конце концов наша компания разделилась на пары. Мы с новой знакомой пошли в парк Хибия, выпили кофе. В отличие от Симамото, она прихрамывала на правую ногу, и получалось это у нее немного по-другому. Симамото ходила, слегка вывертывая ступню, а эта девчонка чуть поворачивала носок в сторону и двигала ногу вперед. А вообще походка у них была очень похожа.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

В переводе с японского – «начало». (Здесь и далее – прим. переводчика.)

2

Искаженные слова песни классика американской эстрады Ната Кинга Коула (1917–1965) «Вообрази»: «Pretend you're happy when you're blue / It isn't very hard to do».

3

В Японии существует девятилетняя система обязательного школьного образования: начальная шестилетка и три года обучения в средней школе. Стремясь продолжить образование, большинство японских школьников поступают затем в так называемую «школу высшей ступени», где учатся еще три года.

4

В переводе с японского – «родник».

5

Традиционный японский суп, который готовят на основе пасты из соевых бобов.

6

Скоростной железнодорожный экспресс, связывающий главные города Японии.

Купить: https://tellnovel.com/haruki-murakami/k-yugu-ot-granicy-na-zapad-ot-solnca

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити